

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2263](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2263)

М. А. Мальцев

ОПЫТ АВТОРСТВА В СОЦИОЛОГИИ: БАЛАНС МЕЖДУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ КАНОНАМИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СТИЛЕМ

Правильная ссылка на статью:

Мальцев М. А. Опыт авторства в социологии: баланс между институциональными канонами и индивидуальным стилем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 304—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2263>.

For citation:

Maltsev M. A. (2023) The Authorship Experience in Sociology: The Balance Between Institutional Canons and Individual Style. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 304–326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2263>. (In Russ.)

Получено: 28.06.2022. Принято к публикации: 21.02.2023.

ОПЫТ АВТОРСТВА В СОЦИОЛОГИИ: БАЛАНС МЕЖДУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ КАНОНАМИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СТИЛЕМ

МАЛЬЦЕВ Михаил Алексеевич — аспирант кафедры анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: mamaltsev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7650-0293>

THE AUTHORSHIP EXPERIENCE IN SOCIOLOGY: THE BALANCE BETWEEN INSTITUTIONAL CANONS AND INDIVIDUAL STYLE

Mikhail A. MALTSEV¹ — PhD Candidate, Department for Social Institutions Analysis

E-MAIL: mamaltsev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7650-0293>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье описывается логика, по которой авторы-социологи выстраивают баланс между индивидуальным стилем и институциональными правилами, распространяющимися на процесс написания текстов. Предпринимается попытка продемонстрировать особенности функционирования институционального контекста и способов, с помощью которых социологи адаптируются под существующие «правила игры». Показано, что практики написания текстов, во-первых, чувствительны к жанру (статья, рецензия, книга и т. д.), в зависимости от которого авторская свобода реализуется в большей или меньшей степени. Работа над научными статьями — институционально доминирующим жанром — может сопровождаться не только изменением позиции внутреннего критика, связанной с необходимыми компромиссами при взаимодействии с публикационными площадками и рецензентами, но и с формированием оптимальных публикационных стратегий, при которых предпочтение отдается журналам, лояльным к авторскому видению. Во-вторых, опыт авторства в социологии привязан к контексту, выходящему за пределы непосредственного написания текста, — вознаграждению

Abstract. The article describes the logic according to which sociological authors maintain the balance between individual style and institutional rules concerning text writing. Exploring the academic world of Russian sociology, I attempt to uncover the features of institutional context and how sociologists adapt to the existing “rules of the game”. It is shown that the practice of writing texts is sensitive to the genre. Essentially, the author’s balance between his or her style and institutional canons will change, increasing or reducing the degree of freedom depending on the genre. Writing a research article can be accompanied by a change in the position of the internal critic due to the need to compromise when interacting with publishing platforms and reviewers. Besides, it involves forming optimal publishing strategies, in which preference is given to journals that are tolerant of the author’s vision. I have concluded that the authorship experience in sociology is tied to the context beyond the text’s direct writing — remuneration for meeting publication standards, institutional pressure, and other factors.

за выполнение публикационных нормативов, институциональному прессингу и т.д. Рассматриваются альтернативные формы авторского высказывания (устные выступления, публикации в социальных сетях), которые меньше подвержены конвенционализации. В финале статьи предложены способы формулировки авторских идентичностей в терминах «признание/профессия», «Я/мы», «за-/внутритекстовое присутствие».

Ключевые слова: социология академической жизни, академическая коммуникация, авторство в социологии, публикационные стратегии, письмо в социологии, институциональные каноны письма

Благодарность. Статья основана на материалах магистерской диссертации, защищенной в НИУ ВШЭ в 2020 г. Этот текст — равно как и все исследование — не состоялся бы без людей, согласившихся на интервью и любезно доверивших свои истории. Автор также выражает благодарность Елене Юрьевне Рождественской, Алексею Рыжкову, Сергею Старцеву и Тимофею Алексею за ценные критические замечания.

Keywords: sociology of academic life, academic communication, authorship in sociology, publication strategies, writing in sociology, institutional canons of writing

Acknowledgments. The article is based on the materials of the master's thesis defended at the HSE in 2020. This text — as well as the entire study — would not have taken place without people who agreed to an interview and kindly entrusted their stories. The author also thanks Elena Rozhdestvenskaya, Alexey Ryzhkov, Sergey Startsev, and Timofey Alekseev for valuable critical comments.

Введение

В повседневном языке термин «автор» используется довольно часто. Имя, помещенное над заголовком, обычно воспринимается как имя создателя текста. Люди пишут тексты и, закрепляя их за собой, претендуют на то, чтобы называться авторами. Но так ли все просто? Используя понятие авторства непроблематично, мы не думаем о противоречиях, которые его неизбежно сопровождают. Кого считать автором и какие правила распространяются на него? Череда подобных вопросов заслуживает внимательного рассмотрения — не в категориях обобщенного авторства, а применительно к его функциональности в конкретной области. В настоящей статье этой областью стала социология.

Бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру остроумно и точно описал один из главных трендов своей дисциплины: «Дезэкзотизация туземца, который теперь не так уж далек, имеет в качестве побочного эффекта значитель-

ную и относительно недавнюю экзотизацию антрополога» [Де Кастру, 2017: 10]. Социолог — фигура настолько же экзотичная, а его миссия не всегда прозрачна для внешних (и только ли для внешних?) аудиторий. Он сочетает несколько амплуа, трудно отделимых друг от друга. С одной стороны, есть процесс исследования и сопутствующие ему процедуры: постановка проблемы, выбор методологии, полевая работа и систематизация полученных данных, а также все то, что читатель мог неоднократно встречать в отечественной и зарубежной литературе, посвященной организации и проведению социологического исследования. С другой стороны, социолог — не только исследователь, но и человек, создающий тексты в соответствии с исторически и институционально закрепленной традицией письма, начинающейся с плавающих канонов жанра («как писать») и заканчивающейся оформлением списка литературы в том или ином научном журнале.

Разговор о текстах, которые пишут и публикуют социологи, — это разговор (а) о возможности вступать в академическую коммуникацию, где при определенных обстоятельствах можно быть услышанным и реализоваться в профессии; (б) о жизненных шансах, ведь подготовка статьи или отчета по гранту влияет на то, насколько благополучную жизнь будут вести их авторы. И, наконец, (в) создание текста представляет собой пространство борьбы, в которой авторский голос вступает в конфронтацию с конвенциями, распространяющимися на письмо. В каком институциональном контексте протекает работа над текстами и на что ориентируются авторы? Есть ли в современной социологической литературе место для индивидуального стиля? Как пишущий социолог находит себя в конвенциях и какие задействует стратегии? Как внутренний критик интериоризирует внешние — порой конфликтующие — правила? Цель настоящей статьи — описать логику, по которой выстраивается баланс между институциональными канонами (правилами написания текстов) и индивидуальным стилем (собственными запросами автора).

Переход к дальнейшему повествованию невозможен без одного замечания. Оно относится к определению канона. Это слово имеет более-менее четкие смысловые границы и традиционно описывает непреложные правила, которые регулируют различные сферы деятельности человека, однако найти содержательный смысл канона по отношению к письму в социологии крайне трудно. Нет возможности построить понятие, которое одновременно обладало бы внятными, легко операционализируемыми критериями и в то же время ложилось бы на представления людей, вовлеченных в написание текстов. Подобная дилемма затрагивается Говардом Беккером, правда, в контексте понятия «профессия», где обнаруживается конфликт между его исследовательскими и обывательскими формулировками [Becker, 1970]. Иными словами, канон для социологического текста, если следовать логике Беккера, — это не свод объективных правил, а образ действий, которым руководствуются агенты, существующие в этом поле отношений. Согласно этой точке зрения, напряжение между индивидуальным стилем и институциональными правилами связано с существованием различных интерпретаций самого канона, их наложением друг на друга. Таким образом, поиск баланса со стороны автора — это соотнесение собственных представлений и представлений контрагентов, задействованных в публикационном цикле (редакторов, рецензентов и т. д.).

Проблематизация статуса автора и его множественность

История авторства в гуманитарных науках — это в известной мере история декомпозиции понятия, возникшая в пику конвенциональной литературной критике, где логика интерпретации произведения зиждется на создавшем его человеке. Такой подход находит своих оппонентов в (пост-)структуралистском лагере и подвергается радикальной критике.

«Присвоить тексту Автора — это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо», — пишет Ролан Барт в эссе «Смерть автора», впервые опубликованном в 1967 г. [Барт, 1994: 389]. По его мнению, не автор использует язык, а скорее наоборот, язык использует автора, чтобы материализоваться в тексте. Письмо самодостаточно и не нуждается в навязчивом присутствии своего создателя. Среди участников «крестового похода» против автора можно обнаружить и Мишеля Фуко. Название лекции «Что такое автор?» уже само по себе скрывает основное напряжение — оно указывает на теоретическую и техническую конфликтность в отношениях между автором и произведением. Как имя автора функционирует в произведении и насколько легитимно его сведение к именуемому индивиду? Фукианский автор — это прежде всего функция. Его задача — собрать тексты и присвоить им ярлык в виде имени собственного. Это сделает возможными группировку и классификацию текстов, а также проведение границы между дискурсивными единствами, для которых имя конкретного автора выступает в роли критерия систематизации и противопоставления [Фуко, 1996: 21].

При этом наиболее интригующая сторона проблемы академического авторства заключена в его субъективном, феноменальном измерении при учете институциональных границ. Пусть пафос радикальных афоризмов и структуралистские претензии, например констатация смерти автора или же его сведение к простой функции, кажутся риторически эффектными, они оставляют за бортом авторскую идентичность, культурные хитросплетения, в которых она оказывается заключена.

Продуктивная попытка уловить многозначность природы авторства принадлежит Розалинд Иванич. В книге «Письмо и идентичность» она пишет, что позиция создателя текста — это средоточие множества идентичностей, способов позиционирования себя в письме [Ivanič, 1998]. Книга вдохновлена многолетним опытом работы Иванич с людьми, планировавшими вернуться в лоно образовательных организаций после длительного перерыва и столкнувшимися с трудностями в артикуляции собственного авторского «Я» при написании текстов. Причина тому — наличие различных бэкграундов и ролей, опытов, полученных вне образовательных универсумов и субъектных позиций внутри них. Интегрировать идентичности в новый контекст и приобрести новые — большой вызов и предмет исследовательских поисков. Описывая способы «позиционирования» автора, Иванич перечисляет четыре аспекта писательской идентичности: автобиографическая самость (self), дискурсивная самость, авторская самость и возможности для самости (possibilities for self-hood) [ibid.]. Автобиографическая самость — это идентичность, привносимая в письмо предшествующей жизненной историей (корнями, чувством принадлежности к какой-либо социальной группе и т. д.) и побуждающая людей писать так, как они это делают. Дискурсивная самость представляет собой впечатление,

которое стремится создать о себе автор сознательно или бессознательно. Авторская самость¹ — способ установить в тексте присутствие человека, оно конструирует его авторитет: в одном случае автор текста может ретушировать свой голос, уступая иным фигурам (например, классикам дисциплин), в другом — занимать сильную позицию. Наконец, возможности для самости — прототипические способы утверждения себя как автора в условиях того или иного институционального контекста, конфигурация возможностей, где реализуется авторский голос [ibid.].

Академические реалии, в которых существует социолог, — это пространство множественного авторства. В нем сложившиеся (и перманентно складывающиеся) идентичности подлежат проверке на прочность различными экзистенциальными логиками, жанровыми правилами и моделями письма. Настройки идентичности в зависимости от этого будут принимать своеобразные формы и влиять на то, как человек вписывает индивидуальные решения в систему существующих рамок и возможностей. Следующая часть обзора литературы посвящена институциональным условиям производства социологических текстов.

Письмо как форма организационной культуры

Что представляет собой авторская практика в поле социологического знания? В каких отношениях находятся автор и академическое сообщество, когда идет разговор о письме? Как «работают» научные тексты? Отвечая на эти вопросы, ряд исследователей указывают, что дисциплинарные корни изначально ставят социологию в неудобное положение и создают смысловое напряжение внутри ее границ. С одной стороны, развитие социологии характеризуется постоянными притязаниями на получение статуса науки (science), а с другой — она сильно инспирирована литературой [Lepenies, 1988]. «Два лица» социологии, как называет их Алан Вольф [Wolfe, 1990], воплощаются в разных интеллектуальных ориентациях, «научной» и «литературной», и публикационных стратегиях, выражающихся в противостоянии форматов книги и журнальной статьи. «Научная» ориентация предполагает вовлеченность в процесс непрерывного обновления знаний и требует от исследователей чаще и быстрее инициировать диалог с сообществом ученых, осуществляемый в форме публикации статей в научных журналах. В отличие от «научной», «литературная» ориентация имеет дело с долгоиграющими сюжетами и разнообразными стилями письма, рассчитывает на более высокую продолжительность жизни идей, а ее адепты отдают предпочтение формату книги [ibid.]. Так, подача журнальных статей отличается «короткой конструкцией предложений, эллиптическими выражениями, большей плотностью жаргонных и научных сокращений, множеством авторов, таблиц, стилистическим единообразием и более активным употреблением пассивного залога», в то время как книжный язык ассоциируется с «неторопливым развитием идей, меньшим вниманием к экономии изложения, отдельными авторами, уникальными стилями, использованием единственного числа первого лица, опорой на метафору и более сложными риторическими стратегиями» [ibid.: 479]. По мнению Вольфа, опирающегося на эмпирические данные о структуре американских факультетов социологии, выбор интеллектуального

¹ Родство слов «author» и «authority» (авторитет) здесь особенно значимо.

предприятия и диктуемой им публикационной политики не является свободным и ангажируется традицией того или иного департамента, в котором авторы занимают позицию [ibid.: 480—487].

Исследовательская драматургия, основанная на противопоставлении статьи и книги, не ограничивается стилистическими конвенциями и выбором дизайна исследования. Публикации — это организационный инструмент, с помощью которого извлекаются разные институциональные прибыли, по-своему влияющие на академическую карьеру и репутацию исследователя. Как показывают Элизабет Клеменс и соавторы, отсутствие единых стандартов оценивания книг и статей усложняет отношения между публикацией и профессиональным весом исследователя. Жанр, которому отдают предпочтение авторы, структурирует научные поля и формирует принципы восприятия текстов. Статьи — внутридисциплинарная валюта, утверждающая авторитет исследователя в узком профессиональном кругу и лучше ложащаяся на унифицированные критерии оценивания (например, двойное рецензирование), в то время как книга рассчитана на более широкую дискуссию, которая выходит за дисциплинарные рамки и локальный институциональный контекст [Clemens et al., 1995: 482].

Давид Понтий проводит сравнительное исследование публикационных паттернов в двух ведущих американских («American Sociological Review» и «American Journal of Sociology») и французских журналах («Cahiers Internationaux de Sociologie» и «Revue Française de Sociologie») в период с 1960 по 1995 г. Он отмечает тенденцию к росту публикаций, в которых задействованы количественные методы (в американской социологии их доминирование более отчетливо), и увеличение как числа работ, написанных в соавторстве, так и среднего количества авторов на одну статью [Pontille, 2003: 217—225]. После анализа публикационных трендов Понтий показывает, как происходило становление национальных социологических контекстов, обращая за теоретической опорой к дихотомии «научной» и «литературной» моделей Вольфа. По мнению Понтия, авторские практики в послевоенный этап развития социологии в США формировались под влиянием точных наук и сопровождалась институционализацией экспериментальных и количественных методов, попавших в американскую социологию транзитом через психологию (вспомним, например, Пола Лазарсфельда), а их активная поддержка привела к утверждению публикационной структуры IMRAD (Introduction — Method — Results — and — Discussion), которая наилучшим образом соответствовала внутренней логике исследований с использованием подобных методов. Кроме того, активное сотрудничество с коммерческим сектором практически закрепило за социологией в США статус полноценной профессии [ibid.: 225—231]. Во Франции же социология развивалась под крылом истории и этнографии, что во многом определяло ее публичный образ в терминах призвания (в этом различии улавливается аллюзия на название известной лекции Макса Вебера) и легитимировало «литературную» модель письма [ibid.: 231—237].

Авторство в академическом мире строится на мозаике авторств других людей. «Сама форма научной статьи в том виде, в каком она сформировалась за последние три столетия, требует, чтобы авторы указывали, на чьих плечах они стоят — гигантов ли, или, как это чаще всего бывает, на плечах мужчин и женщин среднего

для вида *scientificus* роста», — писал Роберт Мертон [Мертон, 1993: 272]. Цитирование — это еще один элемент академического текста, с помощью которого автор артикулирует свою мысль. Апелляция к существующим работам не только позволяет закрепить высказывание за тем или иным именем и признать заслуги человека, когда-то вовлеченного в дискуссию, но и служит средством приобщения к интеллектуальной традиции, которой маркирует себя автор. Ученые как члены профессионального сообщества активно участвуют в производстве знаний, а значит, их дискурсивные решения находятся под влиянием запросов, исходящих из их собственных дисциплин [Hyland, 1999: 363].

Тем не менее современное цитирование — это область, где ведется ожесточенная гонка за внимание, а упоминание автора в других работах (чем выше индекс Хирша, тем лучше) считается доступным показателем академического престижа. При этом состоявшиеся авторы имеют преимущества и потому продолжают аккумулировать институциональный капитал, приумножая свой авторитет [Klamer, Dalen, 2002; Korom, 2019]. Как пишет Стив Фуллер, распределение публикационного внимания в подобном ключе оборачивается негативными последствиями для исследователей, не снискавших популярности среди коллег. Он утверждает, что введение «программы оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях» (Research Assessment Exercise, RAE) погружает академических сотрудников (академиков, как он их называет, противопоставляя интеллектуалам — людям, не ангажированным институциональной структурой типа университета) в парадигму «производства знания», характеризующегося чрезмерным цитированием и, как следствие, отчуждением идеи от мыслителя: «Это возвращает культуру зависимости, которая вознаграждает академиков за подвиги чревоущательства, то есть речь посредством чужого авторитета. Результатом становится институционализируемая трусость» [Фуллер, 2018: 189].

Высказывания Фуллера довольно радикальны. Конечно, избыточное цитирование в научных публикациях, названное «подвигами чревоущательства», может стать объектом ожесточенной критики, однако цитаты выполняют важную социализирующую функцию, помогая автору, особенно начинающему, выстраивать свою аргументацию и приобретать собственный голос. Кроме того, «речь посредством чужого авторитета» кажется совершенно нормальным явлением, поскольку именно так работают правила игры, канон — как дискурсивный, так и институциональный. Уважение к канону и правилам игры помогает структурировать авторские практики, сделать их считываемыми для академического сообщества. Позиция Фуллера же выступает в роли примера, скорее утверждающего статус-кво, нежели его низвергающего. Проблематизация иерархий возможна, но только в том случае, если исходит от человека, встроенного в систему академической коммуникации и обладающего достаточным авторитетом для ее критики.

Политика авторства в академическом мире неизбежно ориентируется на рецензирование. Через эту инстанцию должен пройти любой академический текст, претендующий на присутствие в уважаемых журналах, редакция которых принимает решение о размещении работ на основе peer review. Рецензирование призвано утвердить статус публикации, подвергнуть авторские притязания критической оценке, а также улучшить качество материала. Влияние peer review вы-

ходит за пределы пространства текста, ведь процесс рецензирования важен как для банка научного знания, увеличивающего свои резервы за счет вклада ученых, так и для их карьер, выстраивание которых мотивируется куда более практически соображениями о финансовом вознаграждении и признании заслуг [Pfeffer, 1993]. В таких условиях вердикт рецензента может иметь решающее значение для профессиональной судьбы автора, а вопросы справедливости оценивания приобретают особую актуальность. Харриет Цукерман и Роберт Мертон отмечают, что рецензенты не снабжены однозначно заданными критериями оценивания (обоснование оценки чаще всего возникает постфактум), которые позволили бы подвести весь процесс оценивания под общий знаменатель [Zuckerman, Merton, 1971]. Помимо этого, в гуманитарных журналах существует вероятность совершения ошибки второго рода: редакторы предпочитают отвергнуть достойную рукопись, нежели принять ничего не стоящую (worthless) [Bakanic, McPhail, Simon, 1987]. Рецензирование — очевидно, что в нем замешан человеческий фактор, — потенциальный источник предвзятости. Одна из ее составляющих находится в сфере социального капитала и академического авторитета: работам именитых авторов, даже при анонимизации процедуры, чаще дают зеленый свет, рукописи же молодых исследователей подвергаются дисциплинирующему воздействию [ibid.]. Другая составляющая связана с парадигмальностью исследовательского мышления. Автор, рецензент и (иногда) редактор как участники академического диалога, особенно если он протекает между представителями разных областей знания, интерпретируют свое взаимодействие с разных позиций, обусловленных влиянием интериоризированной парадигмы. Например, «консервативные» журналы редко принимают «прогрессивные» статьи, отдавая предпочтение работам, соответствующим их когнитивным и стилистическим требованиям [Travis, Collins, 1991]. Рецензирование книг, уже не анонимное, и отбор редколлегией издательства рукописей для дальнейшей публикации также создают внутреннюю напряженность экспертизы. Как редакторы решают, какой текст им следует выбрать? Опираясь на опыт работы в двух коммерческих издательствах научной литературы, Уолтер Пауэлл описывает различные способы влияния внутренней политики и внешних сетей на решения о публикации материала. Он утверждает, что грамматика взаимодействия агентов в издательском поле носит кулуарный характер и образуется с помощью сетей неформальных отношений («Этот редактор, мой хороший друг, приезжает в гости. Не хотите ли присоединиться к обеду и рассказать ему о книге, над которой вы работаете?»), заполняющих пробелы в формальной структуре и позволяющих редакторам выполнять свою профессиональную миссию [Powell, 1985: XXI].

Представленный обзор литературы призван показать, что публикация текста имеет множество культурных и институциональных измерений: сложившиеся национальные школы, доминирующие научные парадигмы и жанрово-стилистические маркеры, инстанции цитирования и рецензирования. Автор социологического текста — это неизменно фигура, испытывающая влияние различных социальных сил. Тем не менее вопрос написания текста должен быть адресован тому, кто занимается этим профессионально, проблематизирует отношения между индивидуальным стилем и жанровыми конвенциями на собственном

опыте, формулирует различные идентичности на этой основе и способен давать рефлексивные оценки.

Сбор данных, эмпирическая база и метод анализа

Как авторы-социологи выстраивают баланс между своими собственными предпочтениями и требованиями институциональных канонов? Используемое в биографических исследованиях, нарративное интервью было выбрано в качестве ключевого метода сбора первичных данных. Предварительно заданные сюжетные линии служили точкой опоры для исследователя, позволяя сопоставить несколько рассказов и сделать значимые обобщения по интересующим его темам.

Статья, предложенная вниманию читателя, имеет дело с двумя тематическими блоками, включенными в разработанный гайд интервью. Один из них охватывает профессионализацию письма и институциональный контекст, где информанты с экспертной позиции оценивают процесс написания научных текстов. Другой сконцентрирован на авторской рефлексии: информант анализирует собственный статус в динамике и выделяет отличительные особенности, составляющие его авторский почерк².

Логика отбора подчинялась двум принципам. Во-первых, степень, звание и должность человека в научном мире утверждают его профессиональное положение. Чем они выше, тем, вероятнее всего, больше работ (в количественном отношении) опубликовал автор. Институциональный статус может свидетельствовать о многолетнем опыте публикаций, поэтому в рамках настоящего исследования степень кандидата наук была обязательным критерием отбора, статус доцента или старшего/ведущего научного сотрудника — предпочтительным, но не обязательным³. Во-вторых, профессиональные интересы и исследовательская методология также оказывают влияние на специфику авторского высказывания. Учитывая, что исследования могут классифицироваться по множеству параметров, выборка включала в себя социологов, которые либо работают в разных традициях (качественной/количественной, теоретической/эмпирической), либо их совмещают. Подобранный критерий и упомянутые принципы различения не кажутся безупречными и делают процедуру отбора чувствительной к индивидуальному вкусу. Но все же они необходимы для того, чтобы увеличить представленность авторских типажей и сделать итоговую интерпретацию как можно более многогранной. Кроме того, приветствовался опыт публичных выступлений по областям, в которых специализируются информанты. По исследовательской задумке, публичные выступления отражают коммуникативные навыки собеседников, в частности навыки сторителлинга, и служат свидетельством их желания делиться профессиональными историями, что в конечном счете способствует успешному проведению интер-

² В гайд также вошли следующие подкатегории: опыт письма, предшествующий попаданию информанта в поле академического знания; приобщение к культуре написания академических текстов; соавторство как модус письменного высказывания. Поскольку фокусировка статьи и требования по объему ограничивают выбор сюжетов, эти подкатегории остались за рамками повествования.

³ К сожалению, обратная сторона такого подхода — догматичность, привязывающая статус автора к его/ее институциональным заслугам и оборачивающаяся для исследователя риском упустить из виду тех людей, которые по каким-либо причинам не стали обладателями кандидатской степени, но снискали репутацию оригинальных и/или продуктивных авторов.

вью. Выбор институций, с которыми аффилирован автор, не мог быть подчинен жесткой логике, но исходил из некоторых положений. Первое из них — репутационное: выбранные школы формируют имидж российской социологии в публичном пространстве, например, их представители выступают на различных научно-популярных мероприятиях и порталах, публикуются в англоязычных журналах и включены в пространство международных академических коммуникаций.

Второе положение связано со значительным присутствием социологов, занимающих позиции в Высшей школе экономики (НИУ ВШЭ). Информация на персональных страницах сайта НИУ ВШЭ свидетельствует о том, что для большинства работающих в ней социологов она не является альма-матер, а значит, их профессиональное и интеллектуальное формирование происходило в других академических контекстах. Попав в Высшую школу экономики, они уже могли быть состоявшимися исследователями. Кроме того, в НИУ ВШЭ сосуществует множество кафедр, научно-исследовательских центров и лабораторий, которые исповедуют разные теоретические и методологические традиции. Этим объясняется преобладание исследователей из НИУ ВШЭ в списке информантов.

В результате отбора было проведено 11 интервью. Близкие по смыслу нарративы, которые обыгрывались информантами, были сгруппированы в кросс-сюжеты — более крупные тематические множества, объединяющие опыт информантов. Кросс-сюжеты составлялись на основе тех транскриптов, в которых рассказы информантов вступали в отношения согласия или перекликались друг с другом. Обнаружение параллелей между несколькими кейсами подразумевало приближение к достоверности и уплотнение качества итоговой интерпретации. Список информантов представлен в таблице 1.

Таблица 1. Список информантов (в порядке проведения интервью)

Автор	Пол	Аффилиация
Информант № 1	Мужской	Европейский университет в Санкт-Петербурге
Информант № 2	Мужской	Европейский университет в Санкт-Петербурге
Информант № 3	Мужской	Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Информант № 4	Мужской	Центр независимых социологических исследований
Информант № 5	Женский	Высшая школа экономики
Информант № 6	Мужской	Московская высшая школа социальных и экономических наук
Информант № 7	Женский	Высшая школа экономики
Информант № 8	Женский	Высшая школа экономики
Информант № 9	Женский	Высшая школа экономики
Информант № 10	Мужской	Высшая школа экономики
Информант № 11	Женский	Европейский университет в Санкт-Петербурге

Беглый просмотр таблицы наводит на мысль о «столичности» сконструированной выборки. С одной стороны, это ограничивает исследование. Разумеется, социология в России не сводится к московским и петербургским исследователям. Известно множество региональных школ, в которых проект российской социологии получил свое оригинальное и органичное развитие⁴. Изучение их представлений об авторских практиках могло бы стать логичным продолжением настоящего исследования. С другой стороны, исследование носило разведывательный характер, так что исходная выборка может быть масштабирована в будущем.

Результаты исследования представлены в четырех разделах. В первом описывается контекст, в котором происходит публикация статей. Статья — доминирующий жанр в системе академической коммуникации, а регулярные публикации в научной периодике — вопрос не только реализации писательской идентичности, но и соответствия различным КРП, к которым привязаны бонусы и поощрения (не в последнюю очередь финансовые). Здесь конструирование баланса между индивидуальным стилем и институциональными канонами имеет множество нюансов и заслуживает отдельного рассмотрения. Во втором разделе разбираются особенности авторского бытования в других жанрах. В третьем разделе предложены альтернативные формы авторского высказывания, которые испытывают на себе эффект конвенционализации в меньшей степени. В финальном разделе авторские идентичности обобщаются в виде оппозиций («признание/профессия», «я/мы» и «за-/внутритекстовое присутствие»). То, как человек видит свое место в системе социологических текстов и как выстраивает баланс между индивидуальным стилем и институциональным канонами, — это в том числе вопрос идентичности, которую он для себя формулирует.

Анализ кросс-сюжетов: публикация статей и институциональный контекст

Оканчивая обучение в аспирантуре и/или приобретая аффилиацию (это может произойти и на более ранних стадиях) и продолжая академическую карьеру, начинающий автор обнаруживает себя профессиональным исследователем, которому нужно публиковаться на постоянной основе⁵. Когда сертифицированные исследователи выходят в свободное интеллектуальное плавание и освобождаются от регуляций, которые прежде определяли их публикационную стратегию, они должны выстраивать свой план работы самостоятельно. С одной стороны, это становится источником внутреннего дискомфорта, а с другой, существенно увеличивает возможности выбора:

⁴ Например, можно упомянуть новосибирскую экономико-социологическую школу, а также важные точки социологического притяжения в Екатеринбурге, Самаре, Ульяновске, Иркутске [см. Соколов, 2009].

⁵ Выбор этапа, привязанного к завершению аспирантуры (получению степени) как стартовой точки анализа, продиктован тем, что тексты, которые пишутся до этого момента, носят квалификационный характер (например, в бакалавриате и магистратуре это явно отражено в названии финальной работы — «Выпускная квалификационная работа»). Иными словами, они призваны проверить, соответствует ли человек критериям и компетенциям, заложенным в образовательную программу. Обучение в аспирантуре сопровождается написанием статей, но привязано к процедуре защиты диссертации и регламентируется особыми правилами. Получение степени представляет собой «обряд перехода» в статус полноправного члена академического/профессионального сообщества. Исследовательская биография далеко не всегда последовательно проходит через все институциональные этапы (специалитет — аспирантура, бакалавриат — магистратура — аспирантура и т. д.). Тем не менее подобный трек может рассматриваться в качестве конвенционального и институционально поощряемого (например, в вопросах выдачи грантов, включения в преподавательский состав образовательных организаций и т. д.).

...В моей работе три главы, введение и заключение, объект, предмет. Понятно, что все это не любили — и правильно делали, но когда вырывались из этой клетки, то не очень понимали вообще, как писать, зачем, для чего. (Информант № 6, муж., МВШСЭН)

После аспирантуры, когда отпадают ваковские нюансы, человек начинает дышать свободнее. (Информант № 7, жен., НИУ ВШЭ)

В этот период авторской биографии начинается активный диалог с публикационными площадками, в частности с научными журналами, а индивидуальный стиль либо соотносится с внешними силами, либо вступает с ними в конфронтацию. Проблема заключается в том, что взаимодействие между авторами, рецензентами и научными журналами не протекает по универсальному протоколу, оно зависит от институционального контекста и каждый раз пересматривается вместе с его сменами.

Нельзя сказать, что в России нет форматов производства академических текстов. Проблема другая — форматов больше, чем один. И они толкают в разные стороны. (Информант № 6, муж., МВШСЭН)

Текст, который готовится к публикации, проходит через руки институциональных агентов. Общение автора и научного редактора может быть несбалансированным. Последний оказывает влияние на фактуру работы и даже может отключить автора от согласования ее финальной версии. Разворачивающиеся на фоне отсутствия диалога, подобные интервенции бьют по авторскому восприятию собственного текста и ставят вопрос о степени участия автора в высказывании:

И вот это та причина, по которой я с трудом перечитываю свои собственные тексты, потому что у меня ощущение, что, несмотря на то что во всех этих текстах я являюсь единственным автором, у меня ощущение, что этот текст со мной писал кто-то еще, потому что там такое огромное количество правок литературных, которые, с моей точки зрения, не являются необходимыми. (Информант № 10, муж., НИУ ВШЭ)

Болезненное переживание неудачного опыта публикаций и чувствительные компромиссы в процессе длительных практик письма вынуждают авторов подходить к своей публикационной стратегии как можно более тщательно. Публикация — это своеобразный формат игры, в которой автор либо организует и модифицирует свою дискурсивную политику вокруг требований журнала, схватывая конкретный формат, либо же ориентируется на предыдущий опыт и выбирает площадки, соответствующие его/ее ожиданиям и разделяющие авторское видение. Кроме того, степени свободы высказывания могут вырабатываться в рамках диалога между участниками, если не считать ситуации, когда консенсус становится невозможным.

Там [в формате статьи] очень четкие, понятные языковые требования, структурные требования, требования по ссылкам, по тематике, по всему прочему. Если ты улав-

ливаешь вот эти вот флюиды из воздуха, как он устроен, то очень можно быстро научиться писать абсолютно любой текст в формате академической статьи российской. (Информант № 4, муж., ЦНСИ)

Здесь в качестве степеней свободы такими крайними случаями можно считать то, когда от вас требуют сделать то, чего вы не хотите, или наоборот <...> вам запрещают напечатать то, что вы хотите сказать по этому поводу. Я считаю, что это вот два исключительных случая, которые можно считать ограничителями моей творческой свободы. Все остальное — это вопрос договоренности в той или иной мере. (Информант № 7, жен., НИУ ВШЭ)

Не всякое взаимодействие с рецензентом имеет негативные коннотации. Наоборот, оно может восприниматься авторами как способ улучшения качества текста. Дополнительное прочтение и конструктивная критика, не нарушающая концептуальное единство статьи, позволяют автору поставить свое имя на более проработанном материале.

...Я уже давно публикуюсь, где хорошие редакторы: они тебя раздражают, бесят, нервничают, а потом ты немножко приходишь в себя и понимаешь, что, после того как ты прореагировал на эти комментарии и замечания, статья стала гораздо лучше. И любое переписывание статьи делает ее более качественной. (Информант № 11, жен., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Социальные капиталы, накопленные в течение профессиональной карьеры, защищают авторское высказывание. Имея представление о занимаемом положении и общем объеме собственной репутации, автор может не только чувствовать себя увереннее в письме, но и отстаивать свою позицию в случае, если она не была принята. Разумеется, даже в таких условиях авторам приходится идти на компромиссы, однако институциональный вес дает возможность не считаться с исходящими извне требованиями или считаться с ними частично и не думать о соблюдении баланса между закрепленным каноном письма, материализуемым в комментариях рецензентов, и индивидуальными предпочтениями:

Это пока мне сходит с рук. То есть пока я чувствую, что могу проигнорировать в журнале [название журнала], я даже могу зачитать вам эти рецензии. Пока я верю, что я могу это игнорировать, это сойдет мне с рук. (Информант № 2, муж., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Публикацию научных статей обслуживает и экономическая логика. Материальное положение автора и возможность заниматься научно-исследовательской деятельностью требуют привлечения финансовых ресурсов (грантовой поддержки или поощрений со стороны организации, с которой аффилирован автор) и изменятся в зависимости от выполнения/невыполнения публикационных нормативов. Это выливается в институциональный прессинг, а автор, будучи привязанным к дедлайнам, вынужден вытеснять вопросы стиля и индивидуального почерка в письме на второй план:

А час у нас пошел в этом смысле текстовый капитализм, и <...> это очень сильно заставляя тебя, ну, производить эти, ну, такие конвейерные индустриальные пирожки статейные, потому что это валюта. (Информант № 3, муж., РАНХиГС)

Как говорил один персонаж кинематографический, «товарищи, деньги пока никто еще не отменял». Поэтому, ну, что делать? Это по-прежнему такой вот стимул, поэтому вынь и положи определенное количество баллов, которые начисляют за публикации. (Информант № 7, жен., НИУ ВШЭ)

Подобное положение дел приводит к метаморфозам фигуры внутреннего критика. Автор, оказавшийся в ситуации жесткого публикационного контроля и испытывающий постоянную нехватку времени, должен пересмотреть свой подход к организации текста, смягчив персональные требования, или же диверсифицировать публикационную стратегию, в рамках которой работа над одними публикациями считается приоритетной и сопровождается значительной когнитивной нагрузкой, в то время как другие тексты упрощаются, а их написание мотивируется прагматическими соображениями.

Но определенная потеря качества происходит, потому что я перехожу к каким-то более простым, более очевидным выводам, на проверку которых не требуется время. К сожалению, да. (Информант № 5, жен., НИУ ВШЭ)

Есть тексты, с разными целями написанные немножечко. Вот отчитаться [статьей] по гранту — ты понимаешь, что-то более простое, что-то более легкое, что-то менее трудозатратное. (Информант № 10, муж., НИУ ВШЭ)

Вопрос соотношения индивидуального стиля и институциональных канонов не ограничивается научной статьей, хотя этот формат доминирует в академическом мире. Подготовка, написание и публикация зиждется на ряде институциональных предписаний, регламентирующих количество работ и их тайминг (установленные дедлайны для ряда позиций в университетах и других научных организациях), а также требующих регулярного подтверждения аффилиации. Это лишний раз обостряет проблему индивидуального стиля и провоцирует пересмотр позиции внутреннего критика, приоритизацию цели в зависимости от того, что требуется в первую очередь — пройти через регуляторные мероприятия или реализовать свой авторский голос. Тем не менее авторы-социологи работают и в других жанрах, каждый из которых по-своему влияет на то, как мысль будет представлена в тексте. Их специфику рассмотрим ниже.

Жанры и степени свободы авторского высказывания

Несмотря на то что конвенциональным мериллом исследовательской продуктивности является научная статья⁶, социологи создают тексты и в других жанрах. Первое, на что должен ориентироваться автор, — это аудитория, к которой он об-

⁶ С точки зрения предложенной темы структурные требования к авторам при написании англоязычной и русскоязычной статьи различаются незначительно, разве что уровнем когнитивной нагрузки.

ращается. Примечательно, что в разговоре об авторстве информанты акцентируют внимание на значимости того, для кого они пишут. Читатель представляет собой важную часть при позиционировании авторского «Я», манифестации индивидуальных запросов в тексте. Таким образом, содержание сообщения привязано к аудитории и обуславливает выбор того или иного жанра.

У текста, который вы пишете, тоже очень предельно конкретный и ограниченный круг адресатов. Лучше их представлять с точностью до человека, еще лучше — с точностью до лица этого человека, с точностью до выражения лица, с которым он этот текст будет читать. (Информант № 6, муж., МВШСЭН)

Как показал обзор литературы, первичная классификация жанров в социологии отражается в противостоянии двух форматов высказывания — научной статьи и книги. Если вопрос связи авторского голоса и канонов проявляется в статье наиболее отчетливо, то книга имеет свои отличительные особенности. Она повышает степень повествовательной свободы и увеличивает присутствие автора, но создает для него дополнительные трудности. В научной статье индивидуальный стиль проходит проверку конвенциями, в то время как книжный формат подвергает испытанию авторский голос, оценивает его вариативность. Безусловно, автор книги должен подчиняться тому или иному набору конвенций (например, правильно оформлять ссылки), однако куда более серьезный вызов связан со сторителлингом — умением оригинально разворачивать мысль в условиях большого объема текста:

А книжка — это, конечно, красивый сюжет, красивое умение держать читателя. <...> Потому что книжка — это неконвенциональная структура как раз. В книжке очень важно понимать за счет чего ты будешь, структурно, держать читателя. (Информант № 4, муж., ЦНСИ)

Жанр рецензии по-своему организует взаимодействие между выражением авторской позиции и правилами ее оформления. В этом случае индивидуальный авторский почерк ограничивается текстом, относительно которого выражается мнение. Учитывая, что автор рецензии прикован к источнику, степень свободы высказывания зависит от аналитической рамки, задаваемой исходным текстом, а также от его тематического репертуара. Пусть последний критерий и является универсальным для всех социологических жанров, рецензия требует от автора максимально подробного погружения в библиографический контекст, который примыкает к ее тематическому полю.

Это такое [разговор о рецензии], да, более, может быть, формальное, более аналитическое письмо, которое требует от тебя большого знакомства с полем и не сильно поддерживается — ничем, кроме [как] необходимостью этого для академического сообщества. В русскоязычных журналах это [рецензия] ни фига не легче, это требует огромной работы. В принципе да, рецензия чуть более формальна, чуть менее личностна. (Информант № 5, жен., НИУ ВШЭ)

Авторы-социологи участвуют и в создании учебно-методической литературы, рассчитанной на свой круг адресатов. Учебно-методическая литература чувствительна к аналитическому языку, который далеко не всегда поддается переводу в новый регистр. Это оказывается ключевым фактором, препятствующим полноценному переносу авторской мысли.

С одной темой, допустим, у меня получается опуститься, приземлить с помощью каких-то иллюстраций, цитат, необязательно цитат из книг научных. А другие темы для меня не поддаются такому приземлению. <...> Вот эта вот, да, пропасть, наверное, и есть отсутствие вот этих вот творческих возможностей. (Информант № 7, жен., НИУ ВШЭ)

Еще один формат письма — реферат. Он подразумевает максимально достоверное изложение первоисточника. Очевидно, что подобная жанровая специфика накладывает отпечаток на индивидуальный стиль и сужает пространство для авторского высказывания. Как показывают интервью, если профессиональная социализация автора была связана с написанием рефератов, то его взгляд на «правильные» представления о научном стиле может быть конвенционализирован.

И там тоже не было публикаций вот в полном смысле слова. Там были рефераты. Это просто такой специфический жанр, но это тоже мне помогло, потому что, когда ты пишешь реферат по статье, ну, вот тот правильный научный реферат, ты очень глубоко в эту статью проникаешь. Материал может быть тебе даже не близок, но ты как бы учишься. (Информант № 8, жен., НИУ ВШЭ)

Следующий тип жанра — заявка на предоставление гранта / отчет по гранту — может и не восприниматься как пространство, в котором понятие авторства является легитимным, однако этот сюжет неоднократно упоминался во время интервью, где рассматривался в качестве неотъемлемой части повседневности социолога. Заявка/отчет по гранту — это функциональный документ, в котором важность индивидуальной позиции, актуализируемой в письме, не необходима или вовсе неуместна (что интересно, даже при описании такого формата письма используется лексика, снимающая претензии на субъектность). Подобный жанр выполняет конкретные задачи и требует воспроизведения конвенциональной структуры, а его содержание должно быть доступным для адресата.

...Это трехсотстраничный отчет по госзаданию, который является заполнением страниц, для того чтобы поменять эти страницы на несколько миллионов рублей, которые позволяют тебе и твоей научной группе существовать. (Информант № 3, муж., РАНХиГС)

Бытование в поле социологического знания требует от человека совмещать сразу несколько повествовательных режимов и владеть разными форматами письма. Степени авторской свободы чувствительны к жанру, в котором производится высказывание. В одном случае это вопрос функциональной необходимости, следования предельно формализованным процедурам (как в случае с отчетом или заявкой по гранту), поэтому вопрос степеней авторской свободы вовсе

не стоит на повестке. В других случаях манифестация авторского «Я» и выработка отличительного почерка необходима, поскольку без этого невозможно построить эффектный сторителлинг и завоевать читательское внимание. Более того, баланс между индивидуальным стилем и институциональными канонами — это не только вопрос выбора жанра и формирования публикационной стратегии, но и весьма важная часть идентичности социолога, выраженная в самоописаниях и нарративах, имеющих отношение к профессии.

Альтернативные формы авторского высказывания

Авторство в социологии материализуется в других дискурсивных формах, не ограничивающихся письмом и его конвенциональными жанрами. Жизнь социолога связана и с устными высказываниями, которые часто выступают в роли альтернативы высказываниям письменным. Устные выступления не подвержены дисциплинирующему воздействию в той мере, в какой это происходит с текстами, и, будучи не настолько обременительными, создают для автора риторический комфорт и дополнительные степени свободы. Кроме того, если речь заходит о научно-популярном выступлении, то это увеличивает размер потенциальной аудитории авторского высказывания и позволяет апробировать материал, еще не превратившийся в полноценную публикацию.

Мне нравится выступать с докладами отчасти потому, что это способ проиграть вот такие разные композиции возможной статьи, дешевый, не занимающий так много времени. (Информант № 2, муж., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Аналогичные функции в жизни авторов выполняет Facebook*⁷, прочно утвердившийся в качестве части российского интеллектуального климата. Facebook* предоставляет трибуну для высказывания и помогает автору как увеличить свой авторитет среди коллег и привлечь внимание институциональных агентов, разделяющих с ним профессиональное пространство, так и выйти на новый уровень публичности и накопить дополнительный социальный, медийный и прочий капитал.

Да неееет. Все же научные тексты пишут. Ну, в смысле, она [наука] там чуть-чуть менее ответственная, наверное. Она проще, но я думаю, что там просто и происходит наука, в Facebook*. А не в журнальных статьях. Ну да, это такой забавный факт. (Информант № 3, муж., РАНХиГС)

Я просто пишу, ну, я знаю, как писать. Если я хочу написать что-нибудь залихватское, например, но я, кстати, не очень хочу, но если захочу написать что-нибудь залихватское, то я опубликую это на Facebook*, и тут же прибежит три журналиста с просьбой опубликовать это где-нибудь [название ресурса], поэтому у меня даже проблемы такой нет. (Информант № 11, жен., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Интеллектуальная жизнь протекает и за пределами академического мира, а присутствие на альтернативных площадках позволяет автору извлечь допол-

⁷ Здесь и далее знак * означает — деятельность социальной сети, запрещенной на территории РФ.

нительную институциональную прибыль, свести эффекты конвенционализации к минимуму, миновать регуляторные инстанции, инициировать участие в диалоге, где информация циркулирует намного быстрее, и обрести собственный голос, если такая потребность возникает.

Статус автора: «Я» vs «Мы», «призвание» vs «профессия», «внутри» vs «за пределами текста»

Структурные различия, вынесенные в название параграфа, — это скорее идеально-типические конструкции, которые основаны на самоописаниях, нежели эмпирические образцы, полноценно представленные в той или иной биографии. Авторы могут совмещать характеристики или пересматривать свою идентичность в зависимости от биографической ситуации. Тем не менее выделение контрастных типажей позволяет акцентировать внимание на максимумах, которые авторы-социологи находят важными. От чьего лица говорит автор? Этот вопрос не сводится к одной лишь репрезентации в тексте, а свидетельствует о тех значениях, которые человек приписывает всей профессиональной биографии. Для кого-то статус автора подразумевает, что жизненный стиль и персональный почерк отражаются в письме, а значит, читатель должен понимать, кто стоит за той или иной мыслью. Отсюда подчеркнутая субъектность:

И поэтому мне кажется, что вот, ну, это достаточно долгий дебат, который сейчас продолжается в социологии, но уже меньше, — «Я» или «Мы» — ну для меня достаточно ясно было, понятно, что это «Я». Это «Я». (Информант № 5, жен., НИУ ВШЭ)

Другая позиция состоит в том, что автор в социологии не может преодолеть свой интеллектуальный путь в одиночку. Авторское «Я» — это продукт коллективного творчества, поэтому исследовательская идентичность, направляемая подобным тезисом, превращает автора в «одного из», ведь за его/ее фигурой скрывается целое исследовательское сообщество, в котором он/она авторизованы. Индивидуальный автор несет ответственность перед автором коллективным:

Тоже из убеждений, к которым я пришел, которые теперь меня формируют и определяют, — это представление, соответственно, о мыслительном коллективе, о том, что, собственно, в научном порождении текстов в большей степени, чем в порождении текстов песенных, стихотворных и так далее, — это, соответственно, коллективная работа, а не индивидуальные творения. <...> Единица высказывания — это не произведение, единица высказывания — реплика в каком-то уже существующем разговоре. (Информант № 6, муж., МВШСЭН)

Авторы могут по-разному интерпретировать и собственное участие в научной жизни. Очевидно, что в предложенном ниже различии они могут принимать как первую, так и вторую позиции, название которых было заимствовано у Макса Вебера. В одном случае роль автора описывается в терминах призвания, в другом же — в терминах профессии. Первые не ангажированы большими институциональными структурами и обладают относительной свободой при выборе ав-

торской стратегии, в то время как карьера вторых мотивируется экономическими логиками, а такой типаж авторов привязан к вполне конкретному перечню жанров (как правило, это научные статьи и заявки/отчеты по грантам).

...Я не институционализирован, у меня нет заработной платы, которую мне платит университет. <...> То есть если б у меня была кровь из носу задача опубликовать две статьи, чтоб меня не выгнали, дали надбавки, то я бы по-другому говорил. Я даже думаю, что это, скорее всего, было бы так. Опять же, я себя поставил в ситуацию, когда мне как бы разрешено то, что мне хочется. Так часто и в таком виде, в котором мне это хочется делать. Вот и все. (Информант № 4, муж., ЦНСИ)

Профессиональный ученый — это когда деньги за это получаешь. (Информант № 3, муж., РАНХиГС)

Интенсивные практики письма и рост культурного багажа снабжают авторский почерк отличительными особенностями и делают его узнаваемым в кругу коллег. Автор может отыгрывать индивидуальные стилистические сценарии и воплощать свое видение множеством способов, будь это эффектная первая фраза, обращение к аллюзиям или использование примечаний. Даже если письмо локализуется в условиях, в которых конвенции изначально ограничивают репертуар возможных выборов, автор в состоянии высвободить пространство для того, чтобы вернуть собственную мысль в оригинальной манере:

Мне нравится очень много вещей, но сноски, честно говоря, я люблю гораздо больше, чем основной текст. В сносках можно развернуться, сноски — это такие реплики в сторону, сноски создают какой-то объем, когда кроме одного повествования появляются разные интересные отвороты, они создают ощущение глубины. (Информант № 2, муж., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Текст — это часть более масштабной миссии, поэтому авторские полномочия могут выходить за границы письма, подчиняясь принципу, согласно которому социолог — это сначала исследователь и только потом автор. Иными словами, веренная методология, филигранный дизайн и тщательным образом собранные данные — это то, на чем сосредоточены обладатели такой идентичности. Здесь идентичность исследователя берет верх над идентичностью автора.

Письмо — это в каком-то смысле, как это сказать, атрибут моей научной и творческой работы, а не сама по себе самоценность. (Информант № 11, жен., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Хотя исследования значительно влияют на то, как социолог формулирует свое профессиональное «Я», последующее написание текстов по их результатам может порождать новую идентичность — идентичность автора, которая становится важной составляющей в мировоззренческих и профессиональных ориентирах.

Например, я помогаю писать тексты своим аспирантам. Иногда моего участия там много. Ну, вот реально много, да. И все же совестливые, здравые люди. Они говорят: «Ну, давайте Вы будете соавтором?» А я понимаю, что точно нет. Что да, там много моих идей, но точно нет. Это не то, на что я готова поставить свою фамилию. То есть я стараюсь не снижать каких-то требований... <...> Или потому что письмо — это очень важная часть моей идентичности как исследователя. (Информант № 5, жен., НИУ ВШЭ)

Идентичность задает восприятие баланса между индивидуальным стилем и институциональными канонами, а также участвует в его конструировании. Вопросы «Кто я в тексте?» и «Для чего я пишу?» чрезвычайно важны для автора. Отвечая на них определенным образом, он/она принимает решение, как формулировать собственные запросы и реагировать на внешний институциональный фон. Тем не менее идентичности, равно как и стратегии написания текстов, которые действуют, могут быть пересмотрены в зависимости от той или иной ситуации.

Заключение

История, представленная вниманию читателя выше, была написана самими информантами или стала результатом неявного диалога, в который им довелось вступить. Конечно, авторство глубоко переживается каждым человеком в разных культурных, институциональных и мировоззренческих ситуациях, но имеет общие паттерны, которые могут быть сведены к следующим тезисам. Во-первых, взаимодействие с представителями публикационных площадок не является исключительно контрадикторным, так как в процессе диалога участники могут прийти к компромиссу/консенсусу. Во-вторых, между фигурой внутреннего критика и требованиями институционального контекста существует напряжение, которое становится источником феноменальных переживаний и сопровождается пересмотром собственных подходов к письму. В-третьих, авторство в социологии — множественное, разным жанрам приписывается разный содержательный и дискурсивный статус. Следовательно, баланс между институциональными канонами и индивидуальным стилем имеет жанровое измерение. В-четвертых, категории, тематизируемые авторами, проливают свет на их исследовательскую идентичность и классифицируются в терминах акцентированной/ретушированной субъектности, призвания/профессии, за-/внутритекстового присутствия как комбинации амплуа исследователя и автора.

Завершающая мысль работы связана со статусом изучаемого сообщества и характером собранных историй. Рефлексия информантов имела социологический характер, а логика ее анализа корреспондировала с логикой рассказа самих авторов, что стало дополнительным осложнением при интерпретации. Единожды проблематизированная биография (опыт, облеченный в интерпретацию) цензурирует собственное содержание и с трудом подвергается повторной проблематизации (то есть интерпретации со стороны исследователя). Методологической находкой в таких условиях становится нарративный анализ, сосредотачивающийся не только на содержательной, но и на формальной стороне сообщения. Каким образом информанты говорят о себе как об авторах (в терминах «я/мы»)? Какие метафоры используют (например, научная статья как валюта, публикационная ак-

тивность как конвейер и т. д.)? Фокус на дискурсивной специфике высказывания мог бы стать интересным продолжением настоящего исследования.

Список литературы (References)

- Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384—391.
- Barth R. (1989) *The Death of the Author*. In: *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. P. 384—391. (In Russ.)
- Де Кастру Э. В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- De Castro E. V. (2017) *Cannibal Metaphysics: For a Post-Structural Anthropology*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Мертон Р. Эффект Матфея в науке: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Альманах THESIS. 1993. № 3. С. 256—276.
- Merton R. (1993) *The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property*. *THESIS*. No. 3. P. 256—276. (In Russ.)
- Соколов М. М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная динамика «бедной науки» // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2009. № 1. С. 20—57. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/125> (дата обращения: 30.04.2023).
- Sokolov M. M. (2009) *Russian Sociology After 1991: The Intellectual Dynamics of "Poor Science"*. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. No. 1. P. 20—57. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/125> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)
- Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М.: Издательский дом «Дело», 2018.
- Fuller S. (2018) *The Sociology of Intellectual Life: The Career of the Mind in and Around the Academy*. Moscow: Delo Publishing House. (In Russ.)
- Фуко М. Воля к истине. М.: Магистериум Касталь, 1996.
- Foucault M. (1996) *le courage de la vérité*. Moscow: Magisterium Kastal. (In Russ.)
- Bakanic V., McPhail C., Simon R. (1987) *The Manuscript Review and Decision-Making Process*. *American Sociological Review*. Vol. 52. No. 5. P. 631—642. <https://doi.org/10.2307/2095599>.
- Becker H. (1970) *Sociological Work: Method and Substance*. New York, NY: Routledge.
- Clemens E., Powell W., McIlwaine K., Okamoto D. (1995) *Careers in Print: Books, Journals, and Scholarly Reputations*. *American Journal of Sociology*. Vol. 101. No. 2. P. 433—494. URL: <https://www.jstor.org/stable/2782434> (accessed: 28.06.2022).
- Hyland K. (1999) *Academic Attribution: Citation and the Construction of Disciplinary Knowledge*. *Applied Linguistics*. Vol. 20. No. 3. P. 341—367. <https://doi.org/10.1093/applin/20.3.341>.

Ivanič R. (1998) *Writing and Identity: The Discoursal Construction of Identity in Academic Writing*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Klamer A., Dalen H. (2002) Attention and the Art of Scientific Publishing. *Journal of Economic Methodology*. Vol. 9. No. 3. P. 289—315. <https://doi.org/10.1080/1350178022000015104>.

Korom Ph. (2019) The Prestige Elite in Sociology: Toward a Collective Biography of the Most Cited Scholars (1970—2010). *Sociological Quarterly*. Vol. 61. No. 2. P. 128—163. <https://doi.org/10.1080/00380253.2019.1581037>.

Lepenies W. (1988) *Between Literature and Science: The Rise of Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pontille D. (2003) Authorship Practices and Institutional Contexts in Sociology: Elements for a Comparison of the United States and France. *Science Technology and Human Values*. Vol. 28. No. 2. P. 217—243. URL: <https://www.jstor.org/stable/1557953> (accessed: 28.06.2022).

Powell W. (1985) *Getting into Print: The Decision-Making Process in Scholarly Publishing*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Pfeffer J. (1993) Barriers to the Advance of Organizational Science: Paradigm Development as a Dependent Variable. *Academy of Management Review*. Vol. 18. No. 4. P. 599—620. <https://doi.org/10.2307/258592>.

Travis G., Collins H. (1991) New Light on Old Boys: Cognitive and Institutional Particularism in the Peer Review System. *Science, Technology and Human Values*. Vol. 16. No. 3. P. 322—341. URL: <https://www.jstor.org/stable/689918> (accessed: 28.06.2022).

Wolfe A. (1990) Books vs. Articles: Two Ways of Publishing Sociology. *Sociological Forum*. Vol. 5. No. 3. P. 477—489. URL: <https://www.jstor.org/stable/684399> (accessed: 28.06.2022).

Zuckerman H., Merton R. (1971) Patterns of Evaluation in Science: Institutionalisation, Structure and Functions of the Referee System. *Minerva*. Vol. 9. No. 1. P. 66—100. URL: <https://www.jstor.org/stable/41827004> (accessed: 28.06.2022).